СЕРГЕЙ ПОЗНЫШЕВ

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ УЧЕНИЯ О НАКАЗАНИИ

Классика советского права

Сергей Познышев

Основные вопросы учения о наказании

«Эксмо»
2026

УДК 343.8
ББК 67.409

Познышев С. В.

Основные вопросы учения о наказании / С. В. Познышев — «Эксмо», 2026 — (Классика советского права)

ISBN 978-5-04-258777-1

Зачем государство наказывает и можно ли исправить человека, совершившего преступление? На эти вопросы отвечает Сергей Викторович Познышев — русский криминолог и пенитенциарист, стоявший у истоков отечественной судебной психологии. В основе книги лежит глубокий этико-социологический анализ. Автор разбирает учение о наказании, показывает, в чём состоит сущность карательной деятельности государства, и раскрывает психологические механизмы исправления и перевоспитания преступников.

УДК 343.8
ББК 67.409

ISBN 978-5-04-258777-1

© Познышев С. В., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Введение 6
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Сергей Познышев
Основные вопросы учения о наказании

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Введение

Предмет, содержание и задачи науки уголовного права

Прежде чем приступить к собственному предмету моего исследования – к основным проблемами о наказании, – я считаю необходимым выяснить, какое место принадлежит этим проблемам в общей системе науки и какое значение для последней имеет правильное решение их. С этой целью я предпосылаю своему исследованию настоящий очерк, посвященный вопросу о задачах и содержании науки уголовного права. Должен предупредить читателя, что я не ставлю своей задачей исчерпывающее изложение этого вопроса и его богатой литературы. Нет, борьба школ и мнений отдельных писателей лишь постольку пойдут в наше изложение, поскольку это окажется нужным для того, чтобы резче оттенить ту или иную сторону нашего воззрения или защитить последнее от какого-либо из возможных возражений. Объем и содержание настоящего введения всецело обусловлены целями дальнейшего исследования.

Главная задача науки уголовного права, с нашей точки зрения, заключается в том, чтобы установить возможно полную и законченную систему общих начал, которыми должна руководиться карательная деятельность государств. И только в той мере, в какой выполнена эта задача, наука приобретает способность быть деятельным и надежным помощником законодателя. Но данная задача, очевидно, предполагает утвердительное решение вопроса о праве уголовной кары на существование. Прежде чем рассуждать о том, когда, как и какие наказания должны быть применяемы, необходимо, разумеется, решить более общий вопрос: должно ли наказание вообще иметь место, допустимо ли оно. Отрицательный ответ на этот вопрос упразднял бы нашу науку и поставлял бы место лишь изучению средств и способов скорейшего уничтожения данного института. Менее, чем кто-нибудь, криминалист, мог бы согласиться со взглядом, что изучение общественных явлений должно быть совершенно независимо и свободно от вмешательства каких-либо этических начал. Поскольку этот взгляд требует от исследователя общественных явлений полного беспристрастия, того же беспристрастия, которое обязательно для естествоиспытателя, он, разумеется, вполне справедлив; требования научного беспристрастия одни и те же для обоих этих исследователей, хотя последнему, быть может, гораздо легче выполнить их, чем первому. Но поскольку рассматриваемый взгляд идет далее, поскольку он желает совершенно изгнать из изучения общественных явлений этическую точку зрения, всякие этические начала, он несомненно преувеличивает требования научного объективизма. В самом деле, общественные явления и их взаимные отношения крайне сложны; изучение может охватывать те или иные стороны или отношения их, и зависимости от целей, преследуемых этим изучением. А эти цели в последнем анализе определяются этической оценкой явления. Если мы признаем, что данное явление не должно иметь места в обществе человеческом, то отсюда, конечно, еще не следует, что его не надо изучать; наоборот, изучение этого явления может представлять большой интерес и важность, но объем и направление этого изучения будут иные, чем в том случае, когда за явлением признано право на существование. В одном случае мы будем изучать явление лишь постольку, поскольку это необходимо для определения средств и способов скорейшего уничтожения его, или для выяснения природы и отношений других явлений, тесно связанных с объектом нашего изучения. В другом случае изучение будет направлено к выработке возможно полной системы начал, определяющих должное, желательное состояние данных явлений, и коснется всех тех сторон и отношений этих явлений, исследование которых необходимо для достижения означенной цели. Таким образом, тесная, органическая связь изучения общественных явлений с этическими началами,

касающимися этих явлений, не подлежит никакому сомнению. Криминалисту особенно ясна эта связь; направление, объем и содержание его исследований, даже самое право его науки на существование непосредственно зависят от решения указанной основной проблемы о наказании. Совершенно неправилен, поэтому взгляд тех криминалистов (напр. Шютце[1]), которые утверждают, что наука уголовного права может и должна ограничиваться простым описанием того, как возникла и развивалась карательная деятельность государства, оставив совершенно в стороне вопрос, должна ли эта деятельность иметь место? Нет, это первый и важный вопрос науки; и только решив его, наука сделает несомненным свое право на существование и получить твердое основание для своих построений.

Из тех нравственных начал, на которых покоится утвердительное решение данного вопроса, выясняется и верховный принцип карательной деятельности, в прямой или косвенной зависимости от которого должны находиться все построения науки. Это верховное начало представляет собою вывод из более общего принципа, определяющего, в каких вообще границах, с нравственной точки зрения, государственная власть может справедливо подвергать гражданина принуждению. Наказание, разумеется, нравственно допустимо, поскольку оно не нарушает границ, указываемых этим общим принципом, объемлющим все формы государственного принуждения. Как скоро установлен верховный принцип карательной деятельности, творческая деятельность науки приобретает себе в нем надлежащего руководителя, с помощью которого из неисчерпаемого запаса опыта человечества может быть выжато все, что в нем есть действительно ценного для настоящего и будущего. Этот принцип призван внести необходимое единство и цельность в содержание науки и обеспечить глубокое и верное решение различных специальных проблем. С помощью его наука сможет, прежде всего, выработать систему начал, дающих общие определения должного, желательного состояния отдельных сторон и моментов карательной деятельности. Но, рисуя прямо и непосредственно идеал карательной деятельности, эти начала формулируют лишь те нравственные требования, которым всегда должна удовлетворять эта деятельность. Природу и значение этих начал легко уяснять себе из следующих соображений.

Задача общественных наук вообще и науки уголовного права в частности ни в каком случае не может сводиться к определению абсолютных идеальных форм общественной жизни, т. е. форм, пригодных для всех времен и народов. Относящиеся к той или иной стороне общественной жизни идеалы неизбежно условны и изменчивы; для каждого общества, в каждый

---

[1] Шютце, с одной стороны, утверждает, что вопрос о правовом основании уголовной кары подлежит ведению философии права, а наука уголовного права должна ограничиться описанием того, как образовалась и развивалась карательная власть данного государства (Lehrbuch, стр. 37); но в другом месте он решительно заявляет: die Strafgewalt des Staates bedarf der Begründunk nicht (Lehrbuch, стр. 41); принадлежащее государству право наказания само собою вытекает, по его мнению, из «принципа положительного права». Бытие правопорядка, говорит он, является необходимым условием существования государства. Если поведение индивида нарушает этот правопорядок, то для государства возникает повод к известной внешней реакции в целях поддержания авторитета своих предписаний. Реакция является возможной, но в каких случаях и формах она будет иметь место, эти вопросы решаются различно в зависимости от условий времени и места (Lehrbuch, стр. 39). Как эластичное тело проявляет свою упругость, стараясь принять прежнее положение, так и правопорядок проявляет свою жизненную силу, необходимо и непроизвольно реагируя против нападающих на него. Эту непроизвольную, естественную реакцию против ставшей в оппозицию индивидуальной воли, этот возвратный удар мы называем наказанием. Пусть назовут это объяснение связи понятий преступления и наказания теорией справедливости или возмездия, замечает автор, но пусть при этом помнят, что случаи, в которых будет иметь место данная реакция, цели, форма и содержание последней определяются различно в зависимости от условий места и времени (Lehrbuch, стр. 40). С первого взгляда ясно, что изложенное воззрение представляет собою далеко не простое описание, а содержит в себе недоразвитые элементы «у головной теории» и впадает в очевидное противоречие. Одно из двух: или «принцип положительного права» является достаточным основанием «правомерности» наказания, – тогда нет оснований поручать философии права решение этого основного вопроса науки, – или этот принцип не может играть подобной роли, – тогда нельзя утверждать, что карательная власть государства не нуждается в обосновании, и все приведенное выше построение автору пришлось бы признать несостоятельным. Несомненно, далее, что совершенно немыслимо извлечь из положительного права какой-либо принцип, который мог бы иметь значение санкции для своего источника. В существенном сходный с теорией Шютце взгляд развивает Ullmann. Zur Lehre von d. Strafe. Gerichtssaal. BdXXXIV (1883), стр. 29 сл.

момент его бытия, является пригодным лишь идеал, вполне отвечающий внешним условиям жизни, историческому прошлому, наличным культурным условиям этого общества. Конечно, в силу сходства мировоззрений и потребностей, общественные и, в частности, уголовно-правовые идеалы, пригодные для современных цивилизованных народов, будут сходны во многих существенных пунктах, но неизбежно разойдутся в других. Формы, в которые укладывается общественная жизнь, неизбежно относительны уже в силу теснейшей зависимости своей от степени развития личностей, составляющих данное общество. Если, с одной стороны, общежитие является той средой, в которой только и мыслимо развитие личности, то, с другой стороны, состояние этой среды, в свою очередь, находится в теснейшей связи с состоянием личностей; между личностью и общественной средой существует непрерывное взаимодействие, в результате которого получается развитие первой и последней, но развитие строго постепенное. Совершенное общество немыслимо создать из несовершенных личностей. Стремиться же предугадать, в какие формы выльется общественная жизнь при высочайшем развитии личностей, значило бы создавать мечтательные построения, не имеющие за собой никаких гарантий истинности и во всяком случае лишенным практического значения для современного человечества. Таким образом, ясно, что идея единого, абсолютного идеала должна быть отвергнута ввиду господствующей в социальном мире относительности; она игнорирует неизбежную постепенность развития и зависимость общественных форм от свойств и развития личностей. Относящееся к той или иной сфере общественной жизни идеалы, по существу, представляют собою тот порядок вещей, который желателен и должен быть осуществлен. От общественных идеалов должны быть строго отличаемы те формальные этические начала, под руководством которых строятся эти идеалы. Роль и значение этих формальных начал заключается в следующем. Идеалы, относящиеся к различным сферам общественной жизни, должны представлять собою строго рассчитанные и продуманные построения, получающиеся как плод применения к наличным условиям надежных критериев, дающих общие определения должного в данной области явлений. Вполне очевидно, что для того, чтобы с разумной уверенностью утверждать, что при данных условиях должен существовать какой-то порядок вещей, мы должны, прежде всего, обладать надежными общими определениями должного в данной сфере явлений, общими принципами, которые руководили бы творческой деятельностью построения идеалов и могли бы служить надежными большими посылками. Главная задача науки уголовного права и заключается в выработке возможно полной и законченной системы общих формальных начал, которые могли бы послужить надежными руководителями при построении уголовно-правовых идеалов, отвечающих конкретным условиям времени и места. Эти начала получаются из верховного принципа карательной деятельности. Применение этого принципа к отдельным сторонам карательной деятельности дает в отношении каждой из последних основное нравственное начало. Совокупность этих нравственных определений и образует те основные начала, с помощью которых наука вырабатывает остальные свои построения. Эти основные начала неизменны, несмотря на неизбежную и беспрерывную изменчивость содержания и границ карательной деятельности; она сохраняет свое значение, пока не перестанет существовать эта деятельность или те стороны ее, к которым они относятся. Неизменность их объясняется тем, что они формулируют лишь общие нравственные требования, которым должна удовлетворять карательная деятельность, но не определяют прямо и непосредственно, какова должна быть эта деятельность по объему и содержанию у того или иного народа. Они указывают только, чего вообще требует нравственность от карательной деятельности государства, но не указывают, как удовлетворить эти требования. Несомненно, что меры и способы удовлетворения последних могут и должны быть весьма различны, завися в ближайшем определении от условий места и времени. Но этические начала, формулирующие эти требования, неизменны, как неизменны остаются и те формулы, с помощью которых решаются разные математиче-

ские задачи, несмотря на крайнее разнообразие тех бесчисленных задач, которые могут быть решены с помощью этих формул.

Выставляя подобный взгляд, мы прежде всего должны подчеркнуть отличия ею от метафизического направления всех оттенков. И сторонники метафизического направления полагают, что содержание науки должно быть подчинено единому верховному принципу, в котором должны найти свое последнее основание и оправдание решения специальных проблем. Но этим чисто внешним признаком и ограничивается сходство нашей и метафизической точек зрения; по существу же они глубоко различны. Так, характерной чертой метафизического направления является признание независимых от опыта начал; мы, наоборот, глубоко убеждены в совершенной невозможности каких бы то ни было независимых от опыта истин и представим ниже[2] подробные доказательства этого убеждения. Нам представляется несомненным, что прежде чем разум окажется в силах предписать что-либо людям, он должен запастись из опыта некоторыми сведениями и, по крайней мере, узнать о существовании людей. Без предварительно почерпнутого из опыта знания о бытии и свойствах целого ряда явлений немыслимо ни одно правило поведения, какой бы характер оно ни носило и что бы ни предписывало. И уже одной этой черты различия достаточно для того, чтобы резко и отчетливо обособить наш взгляд от всякого метафизического направления. Другое крупное отличие, производное от первого, заключается в следующем: как скоро убедится читатель, наш взгляд, признавая опыт единственным источником познания, отводит довольно видное место в науке изучению прошлого и настоящего карательной деятельности. Наука, думается нам, ни в каком случае не может и не должна отвертываться от действительности и игнорировать многовековой опыт человечества. Представители же метафизического направления или совсем исключают из науки уголовного права изучение прошлого и настоящего карательной деятельности [3], или придают этому изучению крайне ограниченное значение[4], или, наконец, наоборот, слишком преувеличивают его значение, видят в нем необходимое средство познания абсолютного. Историческое развитие вообще и история уголовного права в частности, по мнению писателей этого последнего, так называемого историко-философского направления, есть откровение абсолютного[5]. Отдельные моменты исторического развития представляют собою лишь различия и все более совершенные формы проявления абсолюта; прослеживая их, мы будем постепенно переходить от форм более тусклых и расплывчатых к формам, все более отчетливым и прозрачным, и, следовательно, будем все ближе к познанию абсолютного. Но сторонники исто-

---

[2] См. гл. IV.

[3] Напр. Титман. Die Strafrechtswissenschaft ist ein rein philosophische Wissenschaft, говорит он. Denn sie hat bloss Vernunftgesetz zur Quelle, und alles Positive ist ihr duchaus fremd. Handbuch d. Strafrechtswissenschaft Bd. I (2 изд., 1822), § 2. – Die Strafrechtswissenschaft hat nur die Gesetze der Vernunft (das Rechtgesetz) zur Quelle, denn Ihre lehren sind absolut und nothwendig gültig. Ibid. § 7. Изучение положительного права, по взгляду Титмана, составляет предмет особой практической дисциплины, которую он называет «Strafgesetzkunde». Sehr schicklich giebt man daher der systematischen Darstellung der positiven Strafgrundsätze nicht das Prädicat Wissenschaft, sondern nennt sie Strafgesetzkunde. Handbuch. § 2. См. также Tittman. Ueber die wissenschaftliche Behandlung d. peinl. Rechts. Leipzig, 1798. Егоже. Ueber die Natur der Strafrechtswissenschaft. Leipzig, 1802.

[4] Так, напр., Буэр, как в подспорье для философского метода, указывает на историческое изучение данного права и сравнительное изучение лучших иностранных кодексов. Задача этого изучения – предупреждать возможные пробелы и односторонности метафизической дедукции, указывая, на какие явления или стороны явления последняя должна еще распространяться: в этом все их значение. Lehrbuch d. Stratrechts (2 изд. 1833), §§ 2, 6, 7. Ср. его же Warnungstheorie ect, стр. 243–244.

[5] Эта точка зрения была выставлена еще в начале XIX столетия. Так, напр., Генке утверждал, что задача науки уголовного права заключается в познании идеи абсолютной справедливости; познать же эту идею во всей ее полноте может лишь тот, кто изучил многообразные и беспрерывно развивающиеся проявления ее в истории. Между положительным и естественным правом нет той противоположности, на которую иногда указывают; одно из них предполагает другое. Положительное право представляет собою воплощение права естественного, абсолютной справедливости, при данных условиях времени и места. См. Hanbuch d. Criminalrechts und Criminalpolihik (1 Theil), стр. 149 f. Рядом с наукой уголовного права Генке ставит особую прикладную дисциплину – уголовную политику. Criminalpolihik. Определение задач и содержания последнего см. у. е. §§ 28, 29.Еще более отчетливое выражение получило рассматриваемое направление у более последних сторонников его, у Людена (Handbuch d. Strafrechts I (1840), стр. 5 сл.), Кестлин (Neue Revision d. Grundfegriffe d. Criminalrechts, стр. 14 сл.) и др.

рико-философского направления ошибаются, полагая, что в разнообразии открываемых историей фактов можно видеть лишь различные по яркости и полноте воплощения одних и тех же начал; нет, история не оставляет сомнений в преемственной смене, в течение веков, различных по существу принципов. Затем, приступая с такой предвзятой целью к истории, рискуешь лишь поставить непреодолимые препятствия сколько-нибудь правильному историческому изучению и лишить науку всего того, что может дать последнее. Что же касается указанной цели – познания абсолютного, – то она, конечно, не может быть достигнута. На каком бы большом историческом протяжении мы ни исследовали явления, из них, по существу дела, нельзя выжать ничего абсолютного, и история не дает нам ничего, кроме целого ряда примеров, укрепляющих в убеждении, что абсолютный уголовно-правовой идеал, вечное естественное уголовное право совершенно немыслимо. Главный недостаток рассматриваемого направления и заключается в признании абсолютных уголовно-правовых норм, естественного уголовного права. С нашей же точки зрения, как замечено выше, абсолютный уголовно-правовой идеал немыслим. В указываемых нами неизменных этических началах отнюдь нельзя видеть норм естественного уголовного права. Эти начала представляют собою лишь руководителей в построении идеальных уголовно-правовых норм, норм, неизбежно изменчивых при разных условиях времени и места.

Сказанное, думается нам, делает совершенно невозможным смешение нашего взгляда с какими-либо из существующих и даже вообще мыслимых метафизических направлений; он свободен от тех многочисленных упреков, которые справедливо могут быть адресованы к представителям этих направлений. Но он может подвергнуться некоторым упрекам иного рода. Так, нам могут заметить, что при указанном выше подчинении науки верховному нравственному началу, основы науки окажутся погруженными в вечные споры об основном принципе нравственности и, пока не разрешатся эти споры, останутся до известной степени сомнительными и шаткими. Отрицать зависимость нашей науки от основной этической проблемы, разумеется, нельзя. Но ниже мы надеемся убедить читателя[6], что эта зависимость не так тяжка и велика, как это может показаться с первого взгляда. Дело в том, что основной принцип карательной деятельности покоится на таких нравственных началах, относительно которых вряд ли допустимы серьезные сомнения и споры и которые обладают, до известной степени, своей собственной доказательностью. С другой стороны, как бы ни была неприятна нам зависимость нашей науки от этики и какие бы последствия эта зависимость ни влекла, она неизбежно должна быть признана. Раз признают, что наша наука должна не только описывать действительность в ее современном состоянии и историческом развитии, но и учить тому, что должно быть, то тем самым признают необходимость установить основное начало, в котором находили бы свое последнее оправдание и основание все делаемые наукой указания «должного». Но область «должного» есть область нравственности. Было бы совершенно произвольно и глубоко ошибочно полагать, что нравственность не простирает своего контроля на общественную и государственную жизнь людей. А раз это так, раз государственная жизнь и, в частности, карательная деятельность государства не изъята от нравственного контроля, то сами собою возникают вопросы, какие же требования предъявляют к данной деятельности нравственность и как всего лучше удовлетворить эти требования? Не может подлежать никакому сомнению, что эти требования со всевозможной тщательностью и полнотой должны быть установлены наукой. Таким образом, что бы ни говорили, этическим началам принадлежит первое место в содержании нашей науки, а среди этих начал выдающееся место занимает тот верховный нравственный принцип карательной деятельности, к которому, как к своему центру и последнему основанию, примыкают все построения науки.

Не касаясь пока других возражений, которым могут быть нам сделаны по поводу сказанного, пойдем далее в изложении нашей точки зрения. Карательная деятельность государ-

[6] См. часть II, гл. 3.

ства представляет собою сложное целое, в котором наблюдение позволяет различить несколько сторон и последовательно сменяющихся моментов. Применение к последним верховного принципа карательной деятельности дает в результате для каждого из них особое основное нравственное начало. Последнее определяет те цели, к достижению которых должна быть направлена организация данной стороны карательной деятельности, и является источником целого ряда вопросов, касающихся средств и способов достижения этих целей. При решении этих вопросов необходимо в возможно широкой мере воспользоваться указаниями многовекового опыта народов и исследовать, какими мерами пробовали и пробуют достигать тех или иных целей, какие результаты давало или нет применение тех или иных мер, та или иная постановка данного института, и т.д. Словом, все положительные и отрицательные указания на правильное решение данных вопросов, которые только могут быть найдены в прошлом и настоящем карательной деятельности, должны быть использованы наукой. Само собою разумеется, что, стремясь к такому широкому пользованию опытом прошлого и настоящего, наука не может ограничиться историко-догматическим изучением положительного права, к которому хотят свести ее задачи сторонники исторического направления. Эти писатели требуют, чтобы наука уголовного права была только «теорией положительного права» и оставила совершенно в стороне все вопросы о должном. Так, по мнению Шютце, напр., задача нашей науки изучать положительное право данного народа догматически и исторически[7]. Историческое изучение должно раскрыть те основные начала, которые проглядывают в праве данной эпохи, или вообще в праве данного народа, в течение всего его исторического развития. Эти начала, в свою очередь, стоят в непосредственной и тесной зависимости от этических принципов, присущих народному сознанию в данный момент, или вообще присущих человеческому духу; раскрыть эти этические начала и составляет важнейшую задачу исторического изучения[8]. Выработка новых понятий и начал подлежит ведению философии уголовного права; и области последней относятся, между прочим, вопрос о праве наказания и обзор уголовных теорий. Указание желательных изменений и дополнений в действующем праве также не входит в задачи науки уголовного права, а составляют предмет уголовной политики (Criminalpolitik)[9]. Столь же резко настаивает на ограничении задач и содержания нашей науки историко-догматическим изучением права другой видный представитель исторического направления— Лённиг[10]. Наука, полагает он, призвана не творить, а изучать право; она должна изучить действующее право со всевозможной тщательностью и полнотой, должна отвлечь от отдельных его определений общие понятия и систематизировать последние. Ее задача быть теорией положительного права[11], его догматикой и систематикой[12]. Построение правовых идеалов не входит в ее задачи. В критике действующего права, раз она не опирается на принципы, добытые путем отвлечения от этого же права, также не может входить в содержание науки[13]. Далее, так как полное и глубокое познание действующего права невозможно без ознакомления с его историей, то последняя должна быть разработана со всевозможной тщательностью, особенно исто-

---

[7] Die Wissenschaft des positiven d. h. geltenden und geschichtlich gewordenen Strafrechts ist demgemäss eine dogmatisch-historische. Schüten. Lehrbuch, стр. 14.

[8] Die ethischen Principien also vor Allem sind in den Quellen aufzusuchen, die gefundenen für die Rechts-tmil Dogmengeschichte zu verwerthen. Nothw. Theilnahmo, стр. 24; ср. Lehrbuch, стр. 4.

[9] Lehrbuch, стр. 15; стр. 37.

[10] Loening. Über geschichtliche und ungeschichtliche Behandlung d. deutschen Slrafrechls. Zeilschrift (für d. gos. Strafrechtswissenschaft. III (1883), 219 сл.

[11] Sie ist Theorie eines Seienden, nicht eines erst zu Schaffenden, Seinsollenden, lbid, стр. 223.

[12] Ibid, стр. 233.

[13] Ibid, стр. 223–224 и примеч. к стр. 224. Aus dem Bemerkten ergibt siht, dass auch die Kritik des bestchebden Rechts, sofern sie einen andern Masstab nimmt als die aus letzterem selbst abgeleiteten Grundsätze, nicht Sache der Rechtswissenschaft sein kann. (Примеч. к стр. 224.)

рия развития уголовного права в субъективном смысле (права наказания[14]). Но при изучении истории данного права необходимо обращать внимание и на историю права других народов, и прежде всего, разумеется, на историю тех прав, которые оказывали более или менее сильное влияние на развитие отечественного права[15], а затем – и на историю прав соплеменных народов, прав, хотя бы и самостоятельных в своем развитии, однако берущих начало от родственного источника[16]. Такова в наиболее последовательном и ярком выражении точка зрения писателей исторического направления. С первого же взгляда легко заметить, что она слишком суживает содержание науки и вносит в последнюю во всех отношениях вредный национализм. Согласно этому воззрению наука, в сущности, должна только описывать действительность в ее современном состоянии и историческом развитии, не давая общих начал, которые могли бы с надлежащей яркостью осветить недостатки положительного права и указать пути и средства к исправлению их; вопросы о должном, с этой точки зрения, вообще выходят за пределы нашей науки. Крайнюю узость и односторонность такого понимания задач науки чувствовали уже и некоторые писатели, примыкающие в общем к историческому направлению, но желающие несколько расширить программу этого направления, напр. Биндинг[17]. Он также полагает, что наука уголовного права должна быть практической наукой положительного права[18], должна изучать последнее догматически и исторически. Однако историко-догматическим изучением, по его взгляду, задачи науки не исчерпываются. Глубокое познание действующего права неизбежно приводит к открытию в нем пробелов, недостатков, противоречий; но такое познание не может быть добыто одним историческим изучением, а дается проверкой права жизнью, изучением догматико-практическим (dogmatisch-praktische)[19]. Правовые нормы и институты представляют собою средства для известных целей; наука должна рассмотреть их с точки зрения их пригодности служить тем целям, ради которых они существуют; она должна отнестись к действующему праву критически, должна отметить его пробелы в недостатки и указать средства к исправлению их. Однако и с той поправкой, которую внес в него Биндинг, историческое направление не выдерживает критики. Эта поправка даже в сущности только подчеркивает, а не устраняет крупные погрешности этого направления. То догматико-практическое изучение, о котором говорит Биндинг, является и довольно неопределенным по своему содержанию и приемам, и недостаточным. Наш автор требует проверки права жизнью, оценки правовых институтов с точки зрения пригодности их для тех целей, для которых они предназначаются. Но ведь критике и обоснованию подлежат и сами цели, а с другой стороны, наша критика и оценка будет только тогда глубока и надежна, когда в основу ей положены строго проверенные общие принципы, которые наука и должна предварительно установить. Если бы Биндинг с большим вниманием остановился на вопросе об основаниях и требованиях всесторонней и глубокой оценки действующего права и развил их с надлежащей полнотой, то ему пришлось бы несомненно совершенно покинуть почву исторического направления. Такая оценка, очевидно, предполагает, как свое основание, общие начала, определяющие должное, желательное состояние данных институтов и ярко освещающие все пробелы и недостатки действующего права.

---

[14] Ibid, стр. 228–229.

[15] Так, по взгляду автора, при изучении истории немецкого уголовного права следует особенное внимание обращать на историю римского права. Ibid, стр. 232.

[16] Но, говорит автор, не следует без достаточной критики и проверки переносить в догму отечественного права начала другого, хотя бы и родственного ему, права. Ibid, стр. 232–233.

[17] Handbuch d. Strafrechts. I, Kinleitung. §§ 1–3: 5–6. – Strafgesetzgebung, Strafjustiz und Strafrechtswissenschaft in normalen Verhältniss zu einander. Zeitschrift für d. ges. Strafrechtswissenschaft. Bd. I (1881), s. 4 f.

[18] Die Wissenschaft endlich muss – soweit sie es noch nicht ist! – praktische Wissenschaft des positiven Strafrechts werden. Strafgesetzgebung elc. I, 211.

[19] Handbuch, прим. 15 на стр. 15.

Важность исторического изучения для глубокого познания действующего права бесспорна. Но столь же несомненно, что история уголовного права есть лишь одна из важнейших и интереснейших глав истории права данного народа вообще и отнюдь не может быть предметом нашей науки. С другой стороны, одного исторического изучения было бы недостаточно для решения различных вопросов о средствах и способах осуществления указанных выше нравственных требований. Таким образом, с одной стороны, наука не имеет оснований зарываться в подробности исторического изучения, а с другой – она не может ограничиваться изучением лишь опыта данного народа. Нет, заимствуя, поскольку нужно, из истории, она должна использовать весь опыт человечества. Наблюдение показывает, что у всех народов карательная деятельность проходит одни и те же ступени развития. Разнообразясь в подробностях, история уголовного права каждого народа представляет преемственную смену одних и тех же типичных форм. Последние и должны быть со всевозможной тщательностью изучены наукой. Изучая известный институт или какую-либо сторону его, наука должна прежде всего изучить, так сказать, в естественную историю, то есть проследить те типичные формы, в которые выливалась организация данного института в различные моменты его развития, и отметить по возможности последствия, которые влек за собою каждый из этих типов организации. Таким образом, будут использованы те положительные и отрицательные указания на правильное решение данного вопроса, которые только могут быть почерпнуты из прошлого карательной деятельности. Это изучение дает познание причин и следствий исследуемых явлений и откроет возможность с уверенностью рекомендовать применение одних мер и предостерегать от употребления других. Но, разумеется, использованы должны быть не только те указания, которые могут быть почерпнуты из прошлого карательной деятельности, но и те, которые заключаются в современном праве и современной практике того или иного народа. Далее, но ограничиваясь теми указаниями, которые дает историко-сравнительное изучение и современная карательная практика, наука может почерпнуть нужные для нее данные из целого ряда других наук, отовсюду, где только она может найти их. Особенно важное значение имеет для криминалиста психология. К ней он обращается для объяснения тех типичных форм и отношений, которые устанавливаются с помощью приемов, известным под названием историко-сравнительного метода[20]; пока подмеченные с помощью этого метода единообразия не получили надлежащего психологического объяснения и проверки, они имеют значение лишь так называемых «эмпирических законов»[21]. К психологии обращается криминалист также для объяснения тех отношений между явлениями, которые он подметил в современной карательной практике какого-либо народа. В ней же, главным образом, он ищет твердых для себя оснований и в тех случаях, когда указывает какую-либо новую меру, относительно которой нет специальных указаний ни в опыте прошлого, ни в современной действительности. «Законы общественных явлений, говорит Милль, суть (и не могут быть ничем иным) законы активных и пассивных проявлений людей, объединенных в общество». «Но люди и в общественном состоянии остаются людьми, а потому и их активные и пассивные проявления остаются подчиненными законам индивидуальной человеческой природы»[22]. Из этого производного характера законов общественных явлений ясно, почему исследователю этих явлений приходится особенно часто обращаться к психологии.

Опираясь на почерпаемое из различных источников познание причин исследуемых явлений и предвидение последствий, которых можно ожидать от того или иного состояния этих явлений, наука должна дать общие указания относительно организации различных сторон карательной деятельности, относительно мер, которыми могут быть достигнуты данные цели;

---

[20] Сущность этого метода прекрасно разъяснена в брошюре М. М. Ковалевского «Историко-сравнительный метод в юриспруденции». М., 1880.

[21] Какое значение имеют так называемые эмпирические законы, см. у Милля. Система логики (перев. под ред. В. И. Ивановского), кн. III, гл. XVI (стр. 414 сл.).

[22] Дж. С.Милль. Система логики (перев. под. ред. Ивановского), стр. 709.

она должна установить, какого типа учреждения должны быть созданы для удовлетворения известных потребностей. Эти общие указания науки строятся в предположении известных потребностей и известных психических свойств человека; они должны утратить свою цену, как скоро видоизменятся или исчезнут те психические черты человека, в расчете на которые они построены. Разумеется, степень устойчивости их различна; одни просуществуют века, другие – десятилетия. Некоторые же из этих положений имеют, по-видимому, непреходящее значение, так как опираются на такие психические черты человека, которые – поскольку возможна уверенность относительно будущего, – никогда не исчезнут. Таково, напр., требование науки, чтобы уголовный законодатель в постановлениях о несовершеннолетних различал периоды безусловной невменяемости, невменяемости относительной и период смягчения ответственности. Цифровые определения этих периодов могут быть весьма различны, но данное общее требование сохранит свое значение и для веков грядущих, так как нельзя сомневаться, что и человек будущего будет развиваться постепенно, с индивидуально различной скоростью будет усваивать он те психические черты, которые требуются для уголовной ответственности. Следует заметить далее, что ввиду сходства потребностей современных культурных народов, рассматриваемые общие указания науки относятся ко всем им, несмотря на все различия их историй и современного быта. Но те конкретные формы, в которые воплотятся эти общие положения у каждого из этих народов, неизбежно должны быть до известной степени различны. К указанным общим положениям науки непосредственно примыкает ряд прикладных, практических вопросов, которые для каждого государства должны быть разрешаемы различно, в зависимости от наличных сил и потребностей этого государства, от степени его культуры и проч. Все эти вопросы касаются объема, средств и способов осуществления указанных общих положений науки. Общий смысл их таков: в какой мере, каким способом и средствами всего лучше могут быть осуществлены в данном месте, при данных условиях, те или иные требования науки. Ответы на эти вопросы и образуют то, что может быть названо идеальной уголовно-правовой системой данного народа, т. е. тем конкретно-определенным порядком вещей, который желателен и должен иметь место в данное время, у данного народа, при данных его силах и потребностях. На этот идеал и должны опираться критика действующего права и указание желательных изменений в последнем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.